

Обещал ли шах Аббас I уступку азербайджанских городов Московскому государству?

Продолжение. Начало см. IRS - Наследие 103

Каспийское море и прикаспийские земли на карте XVII века

В 1587 году в Москву в качестве посла сефевидского двора прибыл некто Хады-бек (в русских источниках его именуют Анди-беком), который от имени шаха Мухаммеда Худабенде предложил Московскому царству уступить ряд азербайджанских городов в обмен на военную и политическую поддержку против Османской империи.

Относительно личности Хады-бека известно, что он был племянником влиятельного гилянского купца Хаджи Хасана, неоднократно бывавшего в Астрахани (2, 85) и являвшегося

доверенным лицом гилянского правителя Ахмед-хана. По выражению советского историка П.Бушева, Хады-бек был «кровно связан» с Гилянem (2, 96). С учетом событий, происходивших в рассматриваемый период в Гиляне, вообще сепаратистской политики правителя этой области Ахмед-хана, появление при московском дворе в смутный для кызылбашского государства период представителя гилянских властей не выглядит случайностью. **Правители Гиляна в стремлении к самостоятельности и противостоянии центральной власти всегда искали поддержки у иностранных государств** (прим. 1). При шахе Мухаммеде Худабенде Ахмед-хан, представитель гилянской династии Кия, воспользовался вспыхнувшей при шахе Мухаммеде Худабенде феодальной междоусобицей и ослаблением центральной власти, объявив себя независимым правителем (прим. 2). Вначале он рассчитывал на помощь Османского государства, а не получив ее, стал добиваться покровительства Московского государства.

Ориентация гилянских властей на Москву в рассматриваемый период была обусловлена прежде всего экономическими интересами. В рассматриваемый период **Гилян являлся одним из основных производителей самого ценного экспортного товара – шелка-сырца**

Провинция Гилян
на карте XVII века

и самой богатой провинцией Сефевидского государства (2, 150) (прим. 3). С активизацией Волжско-Каспийского международного торгового

пути значение и место Гиляна в международной торговле еще более усилилось, у гилянских купцов появилась возможность вести торговлю с

Астрахань на гравюре Николааса Витсена. XVII век

западными странами напрямую. В свою очередь, Московское царство, вытеснив Английскую Московскую компанию с Волжско-Каспийского пути и из Архангельска (2, 67) и обеспечив тем самым себе монопольное право торговли с восточными странами через Волжско-Каспийский путь, превратилось в главного торгового партнера для Сефевидского государства, в частности Гиляна. В Астрахани – главном транзитно-перевалочном пункте европейско-азиатского торгового тракта наряду с бухарским, индийским гостинными домами функционировал и гилянский. Русские и восточные, особенно гилянские купцы освоили западное побережье Каспийского моря, где имелось много удобных «пристанищ». Таким образом, к последней четверти XVI века торговые связи между двумя государствами приобрели достаточно оживленный характер, что сулило гилянским правителям большие экономические дивиденды.

Ситуация изменилась, когда Османская империя в стремлении поставить под свой контроль Волжско-Каспийский путь захватила практически весь Южный Кавказ, укрепившись в Ширване. **Утверждение в регионе третьей державы ущемляло интересы и русской, и сефевидской стороны, и особенно было невыгодно Гилян**, поскольку препятствовало прямым контактам с русскими купцами. Затянувшиеся османо-сефевидские войны, помимо всего прочего, привели к нарушению нормального функционирования торговых путей, росту разбоя и грабежей на караванных путях (3, 60), а из-за участвовавших нападений пиратов на купеческие суда — «бусы» приходилось плыть вдоль восточных берегов, по большей части безлюдных, неудобных и опасных (10).

Очевидно, что в сложившейся ситуации **гилянским правителям был бы вполне на**

руку переход прикаспийского региона под контроль Московского государства. Причем если в экономическом плане утверждение русских в регионе и вытеснение османов обеспечило бы беспрепятственную налаженную торговлю гилянским шелком без участия посредников, то в политическом плане мятежный Ахмед-хан гилянский рассчитывал на покровительство Москвы в его противостоянии сефевидской монархии.

В свете изложенного вполне резонно предположить, что Хады-бек, прибыв в Москву как посланник сефевидского двора с предложением уступки прикаспийских городов Дербента и Баку в обмен на заключение антиосманского союза, действовал по поручению гилянских властей. В пользу нашего предположения довольно убедительно свидетельствуют слова русского посла Васильчикова, в сердцах сказанные Хады-беку в момент обиды за «великие бесчестья», учиненные в Гиляне в отношении русского посольства людьми Ахмед-хана – они препятствовали проезду русского посольства в Казвин и под различными предлогами задержали русскую делегацию на целых два месяца (2, 85). Тогда Васильчиков заявил Хады-беку буквально следующее: *«Государь ваш*

Ахмет-хан не хочет меж великого государя нашего царского величества и шахова величества братства и дружбы и любви... А мы начаялись, что ты прямой кызылбашской земли прирощенец, а ты гилянской земли человек... и нам ся кажет, что ты приходил к государю нашему к его царскому величеству з безделием (курсив наш)» (5, 44). Тут весьма уместно заметить, что устаревшее значение слова «безделие» в его глагольной форме «бездельничать» имеет смысл «мошенничать, обманывать, плутовать». (7, 336).

Итак, если предположить, что в инициировании вопроса уступки Московскому государству азербайджанских городов изначально были замешаны сепаратистски настроенные гилянские власти, то возникает совершенно справедливый вопрос: почему сефевидская сторона, поначалу отрицавшая, что предложение это исходило от нее, впоследствии под настойчивостью русского правительства не только не стала оспаривать этого, но даже обещала «поступиться» не только Дербентом и Баку, но и Шемахой. Этот вопрос тем более уместен в свете того, что уступка городов предполагалась как компенсация за оказание русскими военной помощи сефевидам против османов. Шах Аббас I же, вопреки

Дербент и в XVII веке был известен как торговый город

Крепостные стены Дербента. Современное состояние

бытующему представлению о его стремлении к заключению военного союза с Московским государством против султанской Турции (4, 116), **в действительности проявлял к этому явную незаинтересованность, будучи твердо настроен любой ценой заключить мир с османами** (прим. 4). В таком случае вопрос уступки городов по логике вещей должен был автоматически потерять актуальность, однако шахский двор продолжал оперировать им в дипломатических сношениях с русской стороной. Более того, уже ведя переговоры с Высокой Портой о прекращении войны и заключении мира, шах Аббас I одновременно продолжал заверять Московское государство, заинтересованное в продолжении османо-сефевидской войны, в намерении заключить с ним военный союз. Когда же мирный договор с османами был подписан (прим. 5), сефевидский двор стал убеждать правительство Бориса Годунова, что мир этот носит временный характер. И хотя в утверждении о временном характере мира с османами шах Аббас I был искренен, поскольку, как и рассчитывал, использовал его как передышку для того, чтобы собраться с силами, в целом его отношение к Московскому царству нельзя назвать доверительным – он проводил двойную политику.

Задавая резонный вопрос: «Почему шах

Аббас, добиваясь заключения мирного договора с Турцией, вел все-таки разговор о военном союзе с Московским государством и обещал за военную помощь ему в войне против турок отдать Баку и Дербент?», - П.Бушев предполагает, что *«очевидно, потому лишь, что **хотел получить дополнительные козыри в трудных переговорах побежденного с победителем – Турцией.** Тем более, что обещал отдать то, что не находилось в его руках»* (2, 107).

Такое предположение относительно мотивов шаха Аббаса I представляется нам ошибочным. Как минимум потому, что и после заключения мира с османами, причем на тяжелых условиях, правитель кызылбашского государства, который, если следовать логике Бушева, вроде бы уже не нуждался в «дополнительных козырях в трудных переговорах» с османами, в отношении северного соседа до определенной поры продолжал придерживаться прежних заверений.

На наш взгляд, шах Аббас I, проводя двойственную политику в отношении Московского государства, руководствовался иными соображениями. Дело в том, что русские власти, еще при Иване Грозном начавшие политику экспансии и активного проникновения на юг, в условиях османо-сефевидской войны 1578-1590 гг. целенаправленно добивались утверждения

своего влияния в регионе Южного Кавказа. В русле этой политики Московское государство добилось от кахетинского царя Александра II принятия русского подданства. Направленные в Грузию русские послы Биркин и Пивов в сентябре 1587 г. привели к присяге царя Александра II на том, чтобы «ему и его детям со всею Иверскою землею быти в государеве жалованье под его царскою рукою» (9). **До этого кахетинские цари традиционно были вассалами сефевидского двора**, поэтому сефевидские власти, конечно же, не могли оставаться равнодушными к подобному факту, хотя открыто и не отреагировали, поскольку Грузия, как и весь Южный Кавказ, находилась под властью Османской империи.

Конечно, Грузия была не единственным источником напряженности в русско-сефевидских отношениях. События, происходившие примерно в это же время в Гиляне – мятеж Ахмед-хана, его обращение к московскому царю за покровительством создавали угрозу повторения грузинского прецедента. На реальность такой нежелательной для Сефевидского государства перспективы указывал позитивный отклик, который нашло у московских властей обращение Ахмед-хана за помощью. Известно, что **посол гилянского хана Хаджи Хасан, прибывший в Москву одновременно с послами от шаха Аббаса I Бутак-беком и Хады-беком в мае 1590 г. и «милостиво принятый в Кремле», по возвращении доставил Ахмед-хану «благоприятные» вести** (2, 138, 149, 151). «В Москве не могли отказать Ахмед-хану в признании де-факто», – замечает П.Бушев, объясняя это тем, что «от него (Ахмед-хана – Ф.Г.) во многом зависело благополучие русско-иранской торговли, проходившей через Гилян» (2, 125).

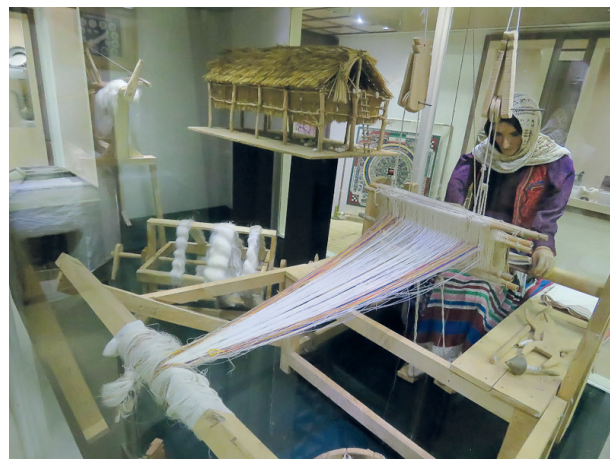
Вслед за Хаджи Хасаном «царь Ахмед-хан», как его именуют русские архивные документы, стремясь «заполучить себе покровителя в лице московского царя», и ища «спасения от неизбежной расплаты за свою измену» сефевидскому престолу, летом 1591 г. направил в Москву отдельное посольство во главе с видным гилянским купцом Тюркемилем (2, 149-151). На приеме у царя Федора в мае 1592 г. он **от имени Ахмед-хана просил принять его под свое покровительство, «держал в своем жалованье и присылал к нему своих служилых татар так же, как и к бухарскому хану»** (2, 153). В ответ на эту просьбу от имени царя Тюркемилю

было заявлено, что «*Мы... гилянского Ахмета царя хотим держати в своем жалованье и пожалуем и учнем к нему посылать своих служилых татар*» (4, 155).

Таким образом, Москва, уже взявшая под свое «жалованье» Грузию, обнадеживающими обещаниями поддерживала сепаратистские настроения мятежного гилянского Ахмед-хана. Наряду с этим, заметим, Московское государство готовилось подчинить тарковского шамхала, на протекторат над которым претендовали сефевидские власти. Каждый из перечисленных факторов при сохранении внешней дипломатичности и миролюбия в русско-сефевидских отношениях был чреват серьезным конфликтом. Тем не менее, Сефевидское государство в отношении Москвы придерживалось достаточно сдержанной политики. Это объясняется региональной ситуацией того времени – **Сефевидам приходилось противостоять османам на западе и шейбанидам на востоке, так что было бы крайне неразумно настраивать против себя еще и северного соседа**. Поэтому шах Аббас I при всех существовавших разногласиях избрал в отношении Москвы тактику дипломатического лавирования. Чтобы получить возможность укрепить свои позиции в зонах потенциальных конфликтов, шах Аббас I до поры до времени внешне игнорировал или даже подыгрывал экспансионистским устремлениям русского правительства, используя их для реализации своих планов.

Сказанное в первую очередь относится к притязаниям русской стороны на азербайджанские города. Русский посланник Васильчиков на приеме

Гилян был известен как крупный центр производства шёлка. Инсталляция в музее

Ворота "Орта-капы". Дербент. Современное состояние

у шаха в Казвине, ссылаясь на грамоту шаха Мухаммеда Худабенде и слова Хады-бека в Москве об обещании уступить Московскому государству города даже в том случае, если шахские войска сами без помощи русской рати отвоюют их у турок, спрашивал у шаха Аббаса I: «и ты ныне, шахово величество, тех городов Дербени и Баки государю нашему поступаешься ли...?» На что шах Аббас I ответил утвердительно, заметив, что «мы... брата своего, государя нашего, хотенье исполняем» (5, 122; 2, 110) – и тем самым фактически отнес инициативу к оппонентам. **Согласие сефевидской стороны на уступку городов, отраженное также в грамоте шаха Аббаса I, отправленной с Бутак-беком, можно расценить как дипломатическую отписку, рассчитанную на поддержание лояльных отношений с Московским государством в условиях неблагоприятных внутри- и внешнеполитических факторов.** Следует также отметить, что в тот момент велись мирные переговоры с османами, в ходе которых перехода Ширвана под султанское управление представлялся неизбежным, и шах Аббас I, как справедливо отмечает тот же П.Бушев, фактически обещал Москве «уступить» то, чем не владел.

В числе упомянутых выше неблагоприятных факторов наиболее остро на тот момент стояла гилянская проблема. Имеющаяся информация о русско-сефевидских дипломатических сношениях в рассматриваемый период позволяет проследить, как **в процессе урегулирования ситуации в Гиляне шах Аббас I, учитывая планы Московского государства относительно этой области, искусно манипулировал вопросом уступки городов.** Это вполне отчетливо иллюстрируют две дипломатические миссии,

направленные сефевидскими властями в Москву – **во главе с гонцом Каем в 1591 г. и купчиной Хаджи Хосровом в 1592 г.** На наш взгляд, обе миссии были сопряжены с ситуацией в Гиляне, и поэтому их правомерно рассматривать именно в таком контексте.

Привлекает внимание, что гонец Кай был отправлен в Москву летом 1591 г., т.е. примерно одновременно с отправкой гилянским Ахмед-ханом в Москву своего посла Тюркемиля. «С какой целью шах Аббас так спешно направил Кая с грамотой в Москву, не дождавшись возвращения в Казвин своих послов Бутак-бека и Анди-бека, сказать трудно», – пишет Бушев (2, 159). На наш взгляд, отправка Кая представляла собой **попытку отвлечь Московское государство от Гиляна, задействовав вопрос уступки городов.** Во время приема в Посольском приказе Кай заявил, что шах уступает города Дербент и Шемаху, и чтобы русский царь прислал туда свои войска. Фактически Кай как бы заманивал русских в Ширван, убеждая, что: «Места великие, а ныне стоят даровые, потому что людей в них мало, а от Терки всего днищ с пять» (5, 162; 2, 168).✿

Окончание в следующем номере

ПРИМЕЧАНИЯ

Прим. 1. В 1533 г. мятежный владетель Гиляна (Бийэ-пас) эмир Дубадж во главе 8-тысячного войска перешел на сторону вторгшегося в Южный Азербайджан султана Сулеймана Кануни, но вскоре был схвачен и казнен по приказу шаха Тахмасиба I (1, 97; 8, 58, 59).

Прим. 2. Ахмед-хан, управлявший наследственно восточной частью Гиляна – Бийэ-пиш, после подавления восстания эмира Дубаджа получил в управление также и западную область – Бийэ-пас. Но позже попал в опалу, и в 1568 г. был заключен шахом Тахмасибом I в крепость Истахр близ Шираза. В 1578 г. шах Мухаммед Худабенде освободил Ахмед-хана из заключения и вдобавок восстановил его в правах. Ахмед-хан вновь стал править в Гиляне, а в знак дружбы получил в жены дочь шаха Тахмасиба. Однако это не сделало его сторонником шахского двора (2, 149; 6, 261, 272).

Прим. 3. Объем производства шелка-сырца в Гиляне был больше, чем в Мазендеране, Хорасане, Ширване и Грузии (2, 150).

Прим. 4. Этот факт неоднократно отмечается Бушевым: «Шах заставил Васильчикова ждать приема целых полгода, показывая, что не очень стремится к быстрой встрече с ним» (2, 100, 101); «Главное, чего добивался шах Аббас в 1589 г., было не заключение военного союза против Турции, а прекращение войны и подписание мирного соглашения с ней» (2, 101) и пр.

Прим. 5. В марте 1590 г. между Османской империей и Сефевидским государством был подписан Стамбульский договор.

Литература

1.Бакиханов А. Гюлистан-Ирам. Редакция, комментарии, примечания ак. АН АзССР З.М.Буниятова. Баку, 1991

2.Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586-1612 гг. (по русским архивам) Москва, «Наука», 1976

3.Гейдаров М.Х. Торговля и торговые связи

Азербайджана в позднем средневековье. Баку, 1999

4.Гусейнов А.Н. Азербайджано-русские отношения XV-XVII вв. Баку, 1963

5.Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Изданы под редакцией Н.И.Веселовского. Том I. СПб., 1890

6. http://annals.xlegio.ru/rus/zimin/zim_604.htm

7. <http://russia-in-www.narod.ru/memoirs-15.htm>

The second part of the article describes the circumstances and reasons for the separatism of ruler Gilyan Ahmad Khan and his course towards rapprochement with the Moscow state because the economic well-being of the khanate depended the expansion of trade with the latter. For its part, the Safavid state headed by Shah Abbas I, who was at war with the Ottoman Empire in the west and the Sheybanids in the east, had to maintain outwardly peaceful relations with the Moscow state despite the latter's steps to establish its influence in the region, including the subordination of vassals of Safavid shahs.

Ворота в Ханский дворец. Дербент, современное состояние

